

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ЦАРСКОЙ РОССИИ К ИНДИИ в XIX — начале XX века

О. Ф. Соловьев

Среди лжетеорий, входящих в арсенал буржуазной пропаганды, значительное распространение получила вымышленная теория о якобы при- сущем царской России стремлении к завоеванию Индии. Произведения английских и американских авторов¹, которые развивают упомянутую версию, характеризует прежде всего односторонность и тенденциозность в освещении событий. Отличительной чертой подобных буржуазных писаний является слабость источниковедческой базы. Так, например, в них вовсе не используется русская архивная документация и игнорируются работы русских и советских исследователей, не соглашающихся с домыслами буржуазных авторов.

Русские и советские историки в связи с рассмотрением среднеазиатской политики царизма не раз останавливались на тех или иных аспектах интересующей нас проблемы². Однако до сих пор еще не существует какой-либо специальной работы, в которой давался бы анализ этой проблемы на основе в первую очередь архивных материалов.

В настоящей статье сделана попытка осветить позицию царского самодержавия, выражавшего интересы помещиков и буржуазии, в отношении Индии. Вместе с тем автор считает необходимым хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать отношения между русским и индийским народами³.

Русско-индийские связи зародились с давних времен и носили неизменно дружественный характер⁴. Если для русских правящих кругов

¹ См. H. Rawlinson. *England and Russia in the East*. London. 1875, p. 63, 279; E. Sutherland. *Russian projects against India*. London. 1885; *The Cambridge History of British Foreign Policy by Ward and Gooch*. Vol. 3. 1923, p. 267, 319—320, 329; C. Carrington and G. Jackson. *A History of England*. Cambridge. 1949, p. 663, 685; J. H. Gleason. *The Genesis of Russophobia in Great Britain*. Harvard University Press. 1950, p. 37, 78, 103, 128, 162; P. Griffiths. *The British impact on India*. London. 1952, p. 95—96; W. N. Brown. *The United States and India and Pakistan*. Harvard University Press. 1953, p. 132, 161.

² См. М. Терентьев. *История завоевания Средней Азии*. Т. I. 1906, стр. 118, 232, т. II, стр. 317—332; А. Снесарев. *Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе*. СПб. 1906, стр. 28—37. «История СССР» под ред. М. Нечкиной. Т. 2. М., 1954, стр. 744—745; Е. Штейнберг. *Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв.* «Исторические записки». Т. 33. 1950; А. Попов. *Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897—1905 гг.* «Красный архив». Т. IV. 1926, и др.

³ В определенной степени данный вопрос разработан во вступительной статье А. Западава и Е. Прохорова в книге «Глазами друзей. Русские об Индии». М., 1957, и в популярной брошюре Л. Гамаюнова «Зарождение, развитие и укрепление дружбы между Советским Союзом и Индией». М., 1956.

⁴ См., например, А. Малиновский. *Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индийцев с 1469 по 1751 г.* «Труды и летописи Общества истории и древностей российских». Т. VII. М., 1837; В. Уляницкий. *Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв.* М., 1889; Н. Гольдберг. *Русско-индийские отношения в XVII в.* «Ученые записки Тихоокеанского института». М.-Л., 1949; Л. Гамаюнов. *Из истории изучения Индии в России*. Сборник «Очерки по истории русского востоковедения». № 2. М., 1956.

Индия являлась прежде всего английской колонией, то для народных масс и их лучших представителей это была великая страна с древней высоко-развитой культурой, достойная самого глубокого уважения. Русский народ горячо сочувствовал дружественному индийскому народу и желал ему скорейшего освобождения от колониального рабства. Великий русский просветитель Н. И. Новиков, мыслитель и революционер А. Н. Радищев, революционные демократы В. Г. Белинский и А. И. Герцен проявляли глубочайший интерес к истории, литературе и искусству Индии. Передовая часть русского общества, революционные демократы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов приветствовали героическое национальное восстание индийского народа 1857—1859 гг. и осуждали английских колонизаторов в Индии.

Русский рабочий класс и его авангард — Коммунистическая партия, возглавляемая великим Лениным, — оказывали моральную поддержку национально-освободительной борьбе индийского народа, которая приобрела большой размах уже под влиянием первой русской революции 1905—1907 годов. «В Индии туземные рабы «цивилизованных» английских капиталистов, — писал В. И. Ленин, — как раз в последнее время причиняют неприятное беспокойство своим «господам»»⁵.

Тема статьи, охватывающая довольно значительный отрезок времени, побудила автора рассмотреть лишь самые важные вопросы, составляющие существо проблемы; в силу этого настоящая статья не претендует на исчерпывающее освещение предмета.

Специфической чертой русско-индийских отношений является то обстоятельство, что, поскольку Индия с середины XIX в. полностью превратилась в английскую колонию, Россия вынуждена была сношаться с ней через англичан. Поэтому отношения России к Индии обуславливались и развитием русско-английских противоречий в Центральной Азии. Этому вопросу в статье также уделяется известное внимание.

Основным источником статьи послужила ранее неизвестная или малоизвестная русская архивная документация. Нами использованы прежде всего материалы Архива внешней политики России (АВПР) и Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), а также монографическая литература и пресса по исследуемому вопросу. К сожалению, остались неиспользованными индийские архивные материалы ввиду их недоступности автору.

На рубеже XVIII и XIX вв., в период, когда Франция находилась в состоянии напряженной войны с Англией, Наполеон выработал план завоевания Индии, значительная часть которой являлась, как известно, одной из богатейших английских колоний⁶. Для выполнения этого плана он пытался привлечь и русского царя Павла I. По приказанию последнего в январе 1801 г. был сформирован небольшой отряд под командованием атамана Войска Донского Орлова-Денисова, перед которым была поставлена задача достигнуть границ Индии. Отряд был плохо вооружен, а его командование имело весьма смутное представление как о самой Индии, так и о дорогах в эту страну⁷. Ясно, что в данном случае имела место авантюра, заранее обреченная на провал. Вскоре Павел I был убит, а вступивший на престол Александр I отменил выступление русского отряда.

31 марта 1802 г. Негласный комитет, состоявший из приближенных Александра I, рассмотрел на одном из своих заседаний записку видного

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 160.

⁶ В тот период англичанами было захвачено в основном побережье Индии. Некоторым княжествам, расположенным в глубине Индии, удалось временно сохранить свою независимость.

⁷ А. Снесарев. Указ. соч., стр. 27.

военного деятеля В. А. Зубова «Общее обозрение торговли с Азией»⁸. В записке подчеркивалась важность для России установления торговых сношений с Азией вообще и с Индией в особенности. Автор записки полагал, что самым удобным путем для развития русско-индийской торговли будет путь через Каспийское море и Иран. Записка произвела «известное впечатление» на членов комитета⁹, о чем свидетельствует ряд принятых в дальнейшем правительственных мер.

И. Ф. Крузенштерн, возглавивший в 1803 г. первую русскую кругосветную экспедицию, получил в качестве поручения от министерства иностранных дел задание посетить порты Индии¹⁰. Одновременно в Бухару был направлен в сопровождении охраны большой русский караван под начальством поручика Гавердовского. Тогда же имела место миссия статского советника князя Визапур в Индию. В середине 1803 г. Визапур подал Александру I записку с изложением плана торговли с Индией через Каспийское море. Любопытной чертой плана было то, что Визапур предполагал использовать для его осуществления представителей индийской колонии, проживавших в Астрахани. Он обращался к царю с просьбой дать ему средства для путешествия в Афганистан и Индию, чтобы привести свой план в действие. Предложение получило одобрение со стороны правительства, и Визапур отправился в Астрахань, где нанял трех слугителей, с которыми рассчитывал отправиться в дальнейший путь¹¹. К сожалению, мы не располагаем в настоящее время сведениями об исходе миссии Визапур. Оказались безуспешными два других аналогичных мероприятия русского правительства: Крузенштерну не представилась возможность посетить индийские порты, а русский торговый караван был разграблен кочевниками, так и не достигнув Бухары¹².

В период наполеоновских войн и особенно континентальной блокады русская внешняя торговля, которая ориентировалась главным образом на европейские страны, испытывала большие стеснения. Противник часто захватывал русские корабли в Балтийском море, а товары конфисковывал. Участились случаи банкротства торговых домов; купечество не раз обращалось к правительству с просьбами найти выход из создавшегося положения. Данное обстоятельство вынуждало искать новые торговые пути и, в частности, обратить более пристальное внимание на расширение традиционных торговых связей России с азиатскими странами — не только ближними, но и дальними. К числу последних относились Афганистан, Индия и Китай.

Поскольку предшествовавший опыт показал практическую трудность установления сношений с Индией через Среднюю Азию, было решено исследовать дороги в Индию со стороны Сибири. В 1808 г. по поручению министра иностранных дел Румянцева в «китайские пределы» из Семипалатинска отправились кабульский купец Мехти Рафаилов, тифлисский житель Захар Шаргилов и армянин Егор Артемов¹³. Через Аксу, Кульджу, Кашгар и тибетские владения Китая они достигли Кашмира, в тот период фактически независимого. Там Рафаилов закупил шали и возвратился в Семипалатинск, откуда привез свой товар в Петербург. По словам Рафаилова, в Кашмире можно было очень выгодно приобретать «хорошие шали, шелковые материи, кисею, жемчуг, различные камни и сахар индийской белой, даже и много таких продуктов, кои получали мы

⁸ «Русский архив». Кн. 1. 1873, стр. 890—897.

⁹ См. «Русский биографический словарь». Т. VII. Птрг. 1916, стр. 521.

¹⁰ Архив внешней политики России (АВПР), ф. СПб. Главный архив, I—7, 1802 г., д. 1, оп. 27, лл. 5—6.

¹¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 13, оп. 1, д. 87, лл. 1—9.

¹² В. Водопьянов. Неудавшееся посольство в Бухару поручика Гавердовского в 1803 г. Б г., б. м., стр. 9—13; см. также АВПР, ф. СПб. Главный архив, II—3, 1803 г., д. 8, л. 1.

¹³ Там же, 1811 г., д. 5, лл. 20—21.

через Англию»¹⁴. Эта и другие поездки Рафаилова, а также грузинского дворянина Мадатова по тому же маршруту открыли новую дорогу русскому купечеству, которое, по словам начальника сибирской линии Глазенапа, отправляло уже в 1814 г. «богатейшие с товаром караваны как в Индию, большой Тибет и другие сопредельные знаменитые в Азии производством рукоделия и торгова города»¹⁵. Кроме того, товары из Индии в Россию провозились среднеазиатскими купцами через Оренбург, таможенная статистика которого фиксировала такие товары, как индийские бязи, выбойки, шали. Стоимость этого ввоза была невелика и составляла в 1815—1817 гг. 3—4 тыс. руб. в год¹⁶.

Подобная торговля, носившая нерегулярный характер, естественно, не могла удовлетворить русское правительство. Поэтому последнее стало стремиться поставить ее в рамки правового урегулирования путем заключения торговых условий с соответствующими контрагентами. Правящие круги России намеревались также установить нормальные отношения с оставшимися в то время независимыми от английских колонизаторов индийскими княжествами, самым сильным из которых было государство сикхов в Пенджабе.

Воспользовавшись очередной поездкой Мехти Рафаилова¹⁷ по своим торговым делам, министерство иностранных дел снабдило его письмом от 17 января 1820 г. к владельцу Пенджаба радже Ранджит Сингху. В этом письме русское правительство выражало желание вступить с раджей в «дружественное сношение... дабы подданные купцы российские и ваши имели свободный приезд во взаимные области»¹⁸.

В том же году в Бухару было направлено большое русское посольство во главе с представителем министерства иностранных дел России Негри с целью обеспечить безопасность прохода русских караванов через бухарскую территорию, выкупить русских пленных, узнать о положении в Афганистане и Северной Индии, а также выяснить подробно вопрос о торговых путях в Индию. С посольством ехал доктор Эверсман, который должен был посетить окружающие Бухару страны, чтобы собрать сведения, «относящиеся до торговых караванных путей, идущих от берегов Каспийского моря в Индию и сопредельные оной земли»¹⁹.

Однако в силу неблагоприятных обстоятельств миссии Рафаилова и Эверсмана были безрезультатны. Первый во время путешествия заболел и умер по дороге в Кашмир, второй не смог проехать дальше Бухары.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что в первой четверти XIX в. русское правительство, действуя в интересах торговой буржуазии, добивалось установления экономических связей через Среднюю Азию и Сибирь с теми частями Индии, которые еще не были завоеваны Англией, — с Кашмиром и Пенджабом. При этом Россия не преследовала каких-либо политических целей в названных отдаленных областях,

¹⁴ Там же, л. 2.

¹⁵ Там же, л. 19.

¹⁶ Там же, I—7, 1820 г., д. 1(13), лл. 48—59.

¹⁷ Незаслуженно забытый впоследствии Мехти Рафаилов, выходец из Кабула, многое сделал для установления русско-индийских связей. Его заслуги нашли полное признание в русских правительственных сферах. Достаточно сказать, что по указу сената от 27 января 1817 г. ему было присвоено звание коммерции советника, а затем он получил чин надворного советника (там же, II-3, 1811 г., д. 5, л. 63; II-11, 1819 г., д. 4, л. 134). О Мехти Рафаилове и его поездке в Индию упоминает В. Бартольд в работе «История изучения Востока в Европе и в России». М. 1925, стр. 228. Он пишет: «В 1820 г. в связи с проектом разведения в Сибири кашмирских коз из Семипалатинска в Тибет был послан коммерции советник Мехти Рафаилов». Краткие сведения о Мехти Рафаилове на основе архивных материалов дает П. Шаститко в заметке «Миссия Мехти Рафаилова к Ранджит Сингху», опубликованной в «Советском востоковедении», 1957, № 4, стр. 129—130.

¹⁸ АВПР, ф. СПб. Главный архив, II—11, 1819 г., д. 4, л. 137.

¹⁹ Там же, 1820 г., д. 2, л. 13.

ограничивая свои задачи стремлением установить дружественные сношения. Основные причины безуспешности попыток русского правительства завязать торговые связи с Индией коренятся в отдаленности Кашмира и Пенджаба и в отсутствии удобных и безопасных путей сообщения.

30-е и 40-е годы XIX в. являлись годами борьбы английских колонизаторов за подчинение Афганистана и овладение всей Индией. Однако им так и не удалось захватить Афганистан. Первая англо-афганская война 1838—1842 гг. закончилась поражением завоевателей. Более успешными были их действия в Индии. В 1843 г. был аннексирован Синд, а в 1849 г. — Пенджаб. Кашмир был присоединен к полунезависимому княжеству Джамму. Тем самым вся Индия оказалась в руках английских захватчиков, которые стали вынашивать новые колониальные планы. Именно тогда Маркс писал о наступлении английской торговли «на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря»²⁰. Английские товары в больших количествах стали ввозиться в среднеазиатское ханства, создавая опасность подрыва русской торговли. В качестве контрмеры царское правительство направило в Хиву экспедицию, возглавляемую генералом Перовским, цель которой состояла в том, чтобы «восстановить и утвердить влияние России в Средней Азии, ослабленное... тем постоянством, с которым английское правительство, во вред нашей промышленности и торговле, стремится к распространению своего господства в тех краях»²¹.

В связи с этим англо-русские противоречия в Средней Азии приобрели значительную остроту²². Английская пресса в период похода Перовского, закончившегося неудачно, вела ожесточенную антирусскую пропаганду, обвиняя Россию в намерении напасть на Индию. Одновременно английский посол в Петербурге Кланрикорд стал запрашивать министерство иностранных дел России о целях хивинского похода. Тогда министерство поручило русскому послу в Лондоне Бруннову сообщить британскому кабинету, что Россия не имеет «ни малейшего желания распространить политическое влияние на Верхнюю Азию, чтобы противодействовать влиянию Англии»²³.

Вскоре МИД России в депеше Бруннову от 24 февраля 1840 г. вновь подчеркнул стремление России не нарушать интересов Англии в Азии и выразил пожелание, чтобы Англия, в свою очередь, дала заверение, что ее войска не перейдут за Гиндукуш, «барьер, который сама природа воздвигла, по-видимому, для того, чтобы предотвратить столкновение, в чем мы одинаково заинтересованы»²⁴.

Поскольку эти успокоительные заверения не производили на английское правительство никакого действия, Бруннову депешей от 20 июня 1840 г. было поручено начать переговоры с целью заключить договор о признании Гиндукуша границей между сферами влияния двух государств. В этой депеше министра иностранных дел России Нессельроде говорилось: «...мы не только не питаем сегодня каких-либо намерений, враждебных английскому владычеству в Индии, но даже готовы отказаться от этого на будущее»²⁵. Хотя английской дипломатии и пришлось согласиться на предлагаемые Россией переговоры, она в дальнейшем поспешила завести их в тупик.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что царское правительство, считаясь с объективными обстоятельствами, рассматривало в то вре-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 383.

²¹ М. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М. 1949, стр. 222.

²² Поскольку вопрос о среднеазиатской политике царизма в XIX в. разработан в советской историографии, мы специально на нем не останавливаемся.

²³ АВПР. ф. СПб. Главный архив, I-1, оп. 781, д. 80, л. 4.

²⁴ Там же, л. 33.

²⁵ Там же, л. 70.

мая Гиндукушский хребет как свою естественную границу и не имело намерений ее нарушать, а тем более продвигаться в сторону Индии²⁶. Предложение заключить формальный договор говорило о серьезности подобной позиции русского самодержавия. Однако Англия отвергла это предложение, поскольку оно поставило бы преграду ее собственной экспансии в Средней Азии.

Утверждения английского правительства об угрозе британским владениям в Индии со стороны России, продолжавшиеся и в дальнейшем, являлись лишь маскировкой английской экспансии.

В период правления Николая I и Александра II продолжались многочисленные попытки установления широких торговых связей с Индией; о каких-либо завоевательных планах не было и речи. Так, например, в инструкции, данной А. С. Грибоедову при его назначении посланником в Иран в 1829 г., говорилось о необходимости изыскать средства «к исполнению давнего плана нашего правительства завести торговое складочное место в Астрабаде, плана, обещающего значительные для нас выгоды обращением индийской торговли к берегам Каспийского моря»²⁷. Докладывая в 1835 г. царю о предстоящем приезде в Россию посланцев из Афганистана и Индии, Нессельроде заявлял: «Сколь ни отдалены от нас означенные страны и сколь ни ограничены сведения наши об оных, неоспоримо, однако, что всякое расширение торговых связей выгодно»²⁸.

В течение ряда последующих лет правительство России не предпринимало каких-либо активных шагов для развития торговли с Индией, хотя и продолжало оставаться ее сторонником. Поэтому, когда после присоединения в 1866 г. к России Ташкента, поддерживавшего торговые связи с Индией, туда прибыло посольство из Кашмира с целью договориться об оказании покровительства кашмирским купцам, эта просьба была встречена положительно.

Министр иностранных дел Горчаков писал в докладной записке, одобренной правительством, что он признает полезным «предоставить кашмирским купцам те права по торговле с Россией, которыми вообще пользуются у нас среднеазиатские народы с тем, однако, чтобы и наши подданные пользовались равными правами в Кашмире»²⁹.

Открытие Суэцкого канала в 1869 г. значительно сократило морской путь из Европы в Индию, что побудило торгово-промышленные круги России организовать пробный рейс в Бомбей русского парохода «Нахимов». Успешное проведение рейса позволило установить прямой контакт между русскими и индийскими купцами³⁰. Однако на пути русско-индийской торговли лежало еще много трудностей, главной из которых было отсутствие в Индии русских консульских учреждений.

Русский посол в Англии Бруннов в записке на имя директора Азиатского департамента МИД России Стремоухова от 31 марта 1870 г. высказался за учреждение русского консульства в одном из портов Индии³¹. Соображения Бруннова встретили положительное отношение русского правительства и дали толчок к переговорам с Англией по этому вопросу. Переговоры завершились в 1876 г. соглашением об открытии в Бомбее

²⁶ Правда, в период Крымской войны некоторые военные деятели России выдвигали планы проведения военной демонстрации в сторону Индии, чтобы отвлечь силы англичан с главного театра войны в Крыму. Однако подобные планы даже не рассматривались русским правительством, которое считало их несерьезными. Учитывая, что эти планы подробно освещаются в статье Е. Штейнберга «Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв.» («Исторические записки». Т. 33. 1950), мы на них не останавливаемся.

²⁷ См. М. Рожкова. Указ. соч., стр. 81.

²⁸ АВГР, ф. СПб. Главный архив, I-1, оп. 781, д. 75, л. 32.

²⁹ Там же, д. 106, л. 24.

³⁰ Н. Скальковский. Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии и Индии. 1869—1872. СПб. 1873, стр. 119.

³¹ АВГР, ф. СПб. Главный архив, IV-2, 1858 г., д. 22, лл. 15—20.

русского консульства³². Однако наступившее вскоре новое обострение англо-русских противоречий в Азии задержало открытие консульства.

Пользуясь ослаблением России после Крымской войны, Англия стала на путь нарушения соглашений 1872—1873 гг. о разделе сфер влияния в Средней Азии³³. Эта деятельность особенно усилилась после русско-турецкой войны 1877—1878 годов³⁴.

Поскольку в 1885 г. проводился ряд мероприятий по укреплению безопасности русских границ в Средней Азии, Англия вновь начала обвинять Россию в стремлении захватить Индию и Афганистан. В такой обстановке русская дипломатия заняла примирительную позицию, которая была одобрена высшими царскими сановниками на особых совещаниях 25 октября и 3 декабря 1885 года³⁵. Русский посол в Лондоне Стааль на основе депеши МИД от 15 марта 1885 г. снова повторил английскому правительству, что у русского кабинета «нет никакого враждебного плана в отношении какой-либо части Афганистана и он готов уважать соглашения, заключенные между Англией и Россией в 1873 г. по поводу этой страны; он просто хочет дополнить и упрочить их путем установления хорошей границы между соответствующими сферами влияния двух империй»³⁶. Аналогичные мысли развивались и в памятной записке МИД России 18 марта 1885 г., врученной английскому послу в Петербурге. В результате начавшихся переговоров между Россией и Англией упомянутый конфликт был урегулирован и установлена твердая русско-афганская граница.

И в дальнейшем Россия стремилась не давать Англии никакого повода к обвинению в захватнической политике в отношении Индии. В период англо-русских переговоров о памирском разграничении Стаалю была послана депеша МИД от 23 января 1892 г., в которой говорилось: «Постоянно относясь с крайней осторожностью ко всему тому, что касается Индии по ту сторону Гиндукуша, императорское правительство имеет право рассчитывать на полную взаимность Англии относительно интересов наших по сю сторону этого естественного рубежа англо-индийского владычества»³⁷. В результате обе стороны подписали соглашение 1895 г. о разграничении в области Памира.

Постепенное установление английского господства над Индией, сопровождавшееся притеснениями и эксплуатацией, вызывало у местного населения большое недовольство, толкало его на путь борьбы с иностранными завоевателями. В 1857 г. в Индии вспыхнуло национальное восстание, которое было жестоко подавлено англичанами. Несмотря на это, индийский народ, не желая мириться со своей рабской долей, готовился к новой борьбе. В такой обстановке начиная с 1859 г. некоторые индийские владетели и другие лица намеревались вступить в контакт с русским правительством в надежде получить помощь для борьбы с Англией. Среди них были: родственник последнего Великого Могола Мохаммед Неджеф Бахадур (1854 г.), посланец владетелей Раджпутаны Роу Реджа Бахадур (1860 г.), раджа Мехмет Хайдер Шукух Бахадур (1873 г.),

³² Там же, лл. 29—30.

³³ В этих соглашениях говорилось об отсутствии со стороны России притязаний на Афганистан, о согласии рассматривать его как сферу влияния Англии и не входить с афганским эмиром в непосредственные политические сношения. Англия в свою очередь обязалась не расширять территории Афганистана за счет Бухары. См. «Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872—1885 гг.». Ч. II. СПб. 1886, стр. 2—25.

³⁴ Автор настоящей статьи не останавливается на отношении правящих кругов России к Индии в 1875—1884 гг., поскольку этот вопрос обстоятельно анализируется в труде А. Л. Нарочницкого «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895». М. 1957, стр. 217—221. Кроме того, он рассматривается в упомянутой статье Е. Штейнберга (стр. 57—62).

³⁵ АВВР, ф. СПб. Главный архив, I-1, оп. 781, д. 124, №№ 71 и 84.

³⁶ Там же, д. 125, № 24.

³⁷ Там же, д. 132, № 6.

раджа Таклурлуфи бен Селик (1874 г.), представитель религиозной секты намдхари в Пенджабе Гуру Чарн-Сингх (1879 г.)³⁸, сын последнего магараджи сикхов Ранджет Сингха Дулип Сингх (1887 г.).

Однако на все демарши следовали отрицательные ответы вследствие нежелания России вмешиваться во внутренние дела Индии. В этом отношении характерна правительственная реакция на обращение трех индийских раджей в 1888 г. с просьбой о покровительстве и с предложением совместных действий против Англии. На докладной записке министра иностранных дел России по упомянутому вопросу Александр III сделал следующую пометку: «Мне кажется, что надо было бы им ответить и благодарить за их готовность, но вместе с тем сказать, что Россия не думает завоевывать Индию»³⁹.

Индийский народ также питал дружественные чувства к России, которые были, в частности, выражены в письмах ряда индийцев к русским властям. Такие письма поступали в Россию (1879—1892 гг.) из Симлы, Бомбея, Янама, Калькутты⁴⁰.

О подобных настроениях индийцев рассказывали и русские люди, посещавшие Индию. Известный русский индолог И. П. Минаев записал в своем дневнике 24 февраля 1880 г., что индийцы «не разделяют ненависти (английских правящих кругов.— О. С.) к России. Скорее можно предположить в них симпатии к России»⁴¹.

Некий Выгорницкий, посетивший Индию в 1897 г. для изучения языка хиндустани, отмечал в своей записке: «Вместе с тем у народов Индии неоспоримо существует известное инстинктивное тяготение к России; при случае оно высказывается лицами всевозможных слоев населения... Тяготение индусов к России сознается и самими англичанами, которые не стесняются распространять печатно среди народа самые нелепые сведения о России с целью отвратить от нее симпатий индусов»⁴².

В то время как Россия не стремилась к захвату Индии, Англия вела экспансионистскую политику на подступах к Средней Азии. В Хиву и Бухару направлялись многочисленные агенты, которые вели там неприкрытую антирусскую пропаганду⁴³. В 1879 г. Англия установила контроль над внешней политикой Афганистана. Затем ею были захвачены Читрал, Белуджистан, Сулеймановы горы, Хайберский проход и другие территории, населенные независимыми племенами.

Отставной полковник бенгальского штаба англо-индийской армии Х. Б. Ханна отмечал в своей книге: «Неизбежным результатом политики, которую мы проводили последние девятнадцать лет на северо-западной и северной границах Индии, является продвижение к Оксусу (Аму-Дарье)»⁴⁴.

Некоторое смягчение русско-английских противоречий в Азии, последовавшее после афганского и памирского разграничений, позволило русской буржуазии приступить к налаживанию торговых связей с Индией. Россия ввозила морским путем из Индии рис, пряности, кофе, чай, а вывозила главным образом керосин. Впервые русский керосин, производимый в Баку, стал поступать в Индию в 1886 г., а в 1892 г. Россия оказалась на первом месте по экспорту керосина (более 23 млн. галло-

³⁸ Имена индийцев приводятся нами в транскрипции соответствующих русских документов. АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 902. Подробности интересной миссии, направленной главой секты намдхари, приводятся в статье Н. А. Халфина «Посольство Баба-Рам-Сингха в Туркестане в 1879 году». «Советское востоковедение», 1957, № 2, стр. 153—158.

³⁹ АВПР, ф. СПб. Главный архив, I-1, оп. 781, д. 125, № 24.

⁴⁰ Там же, ф. Среднеазиатский стол, д. 902, лл. 43—74.

⁴¹ И. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму. М. 1955, стр. 58.

⁴² АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1029, л. 2.

⁴³ См. М. Терентьев. Указ. соч. Т. I, стр. 232; т. II, стр. 317; т. III, стр. 140.

⁴⁴ Н. В. Ханна. Can Russia invade India? Westminster. 1895, p. 2.

нов), оттеснив на второе место США (20 млн. галлонов)⁴⁵. В больших количествах русский керосин экспортировался в Индию примерно до 1900 г., после чего его вывоз стал резко сокращаться.

О стремлении России к развитию торговли с Индией свидетельствуют русско-английские торговые переговоры 1895 г., начатые по инициативе министра финансов Витте, который выдвинул план увеличения экспорта русского керосина в Индию в обмен на расширение импорта в Россию индийского риса. По мнению Витте, проведение подобного мероприятия «открыло бы ост-индскому рису доступ на наши рынки и, таким образом, вероятно, доставило бы индийской торговле выгоды, равносильные тем, какие могли бы быть приобретены нами в Индии при более льготных условиях ввоза нашего керосина в эту страну»⁴⁶. Однако английское правительство отрицательно отнеслось к предложению Витте, что объяснялось колониальной монополией англичан в Индии. Вследствие этого сдерживалось развитие русско-индийских экономических связей, торговые обороты между двумя странами в конце XIX в. были незначительны.

Постепенное развитие торговли с Индией, необходимость изучения этой страны, а также оказания правовой защиты русским подданным, приезжавшим по торговым делам в Индию, побуждали русское правительство к открытию своего консульства, на что оно имело право на основании статьи XV русско-английского торгового договора 1858 г. и вышеупомянутого соглашения 1876 года.

17 декабря 1898 г. русскому послу в Англии Стаалю было поручено поставить перед английским правительством вопрос об учреждении русского консульства в Бомбее⁴⁷. После ряда проволочек английское правительство заявило о своем согласии признать в качестве русского консула в Бомбее Клемма, который 22 ноября 1900 г. и открыл там русское консульство.

В инструкции МИД от 30 августа 1900 г. первому русскому консулу в Индии говорилось: «Город Бомбей избран был местом пребывания консульства потому, что он представляет собой самый крупный торговый центр Индостана, что открытие в нем консульства наиболее отвечает нашим коммерческим интересам и тем требованиям, которые нами поставлены были на вид англо-индийскому правительству при переговорах об учреждении нашего консульского представительства в Индии, и потому, что город этот, в силу своего торгово-промышленного значения, имеет непрерывные сношения со всеми главными центрами страны»⁴⁸. Далее инструкция подчеркивала необходимость для консула, «насколько это возможно, способствовать развитию нашей торговли с Индией». Подобные же соображения развивались и в дополнительной инструкции, касающейся исключительно экономических вопросов. В частности, эта инструкция предписывала Клемму выяснить, в какой степени Индия нуждается в привозном зерне и «каковы условия соперничества на рынках Индии русского товара с товарами других происхождений»⁴⁹. Заключительная часть инструкции гласила: «Поэтому при рассмотрении тех мер, которые, по вашему мнению, желательно будет принять в интересах дальнейшего развития наших торговых сношений с Индией, вы не оставите сообщить ваше заключение по вопросу о том, какие русские товары могли бы найти в Индии сбыт, если бы для этого при заключении нового трактата выговорены были благоприятные условия».

Русскому консулу поручалось сообщать в министерство иностранных дел России данные о положении в стране, включая сведения о распространении панисламистской пропаганды в Индии.

⁴⁵ «Вестник финансов, промышленности и торговли». Т. 43. 1895, стр. 177.

⁴⁶ АВПР. ф. Среднеазиатский стол, д. 1111, л. 2.

⁴⁷ Там же, д. 1029, л. 17.

⁴⁸ Там же, л. 100.

⁴⁹ Там же.

В 1905 г. русское консульство в Бомбее было преобразовано в генеральное консульство, а в 1910 г. переведено в Калькутту — местопребывание «центрального англо-индийского правительства» — с целью «установления непосредственных сношений» с этим правительством⁵⁰.

Согласие на учреждение русского консульства в Бомбее являлось свидетельством стремления Англии добиться смягчения своих разногласий с Россией. Дальнейшие события наглядно показали, что по мере обострения англо-германских противоречий это стремление усиливалось.

Со своей стороны, русский царизм, явно обеспокоенный происками Германии на Ближнем Востоке, был не прочь пойти навстречу Англии. Это подтверждают инструкции МИД Бенкендорфу при его назначении послом в Лондон⁵¹ и последующие инструкции и депеши министра иностранных дел Ламздорфа Бенкендорфу. 31 марта 1905 г. Ламздорф писал: «...Считаю долгом вновь подтвердить, что Россия менее всего мечтает о каких-либо территориальных компенсациях за счет великобританских владений в Азии, что у нее решительно нет никаких оснований вступать в борьбу с Англией», а, напротив, она хочет «рассеять существующие недоразумения и закрепить дружественные отношения, столь желательные в интересах обоих государств»⁵². На этот же путь толкала царизм и внутренняя обстановка в стране, переживавшей период буржуазно-демократической революции.

31 августа 1907 г. было заключено англо-русское соглашение о разделе сфер влияния в Азии, по поводу которого В. И. Ленин писал: «Делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)»⁵³.

Заключение соглашения 1907 г. не могло устранить русско-английских противоречий в Азии, а лишь отодвинуло их на задний план. Вместе с тем нормализация отношений с Англией способствовала расширению русско-индийской торговли.

Характер этой торговли после 1907 г. несколько изменился. Россия сделалась одним из главных покупателей высококачественного индийского чая, чему в немалой степени содействовало установление в 1908 г. Доброфлотом и Русским Восточно-азиатским пароходством срочных рейсов между Калькуттой и Владивостоком, а также снижение таможенных тарифов на чай, ввозимый в Россию через Владивосток. Если в 1899 г. Россия ввезла из Индии всего 467 тыс. фунтов чая, то в 1912 г. она уже ввозила более 33 млн. фунтов и прочно удерживала второе место (после Англии) в импорте чая⁵⁴. Индийский чай нашел широкий спрос у населения России.

Что касается ввоза русских товаров в Индию, то и здесь тоже произошли изменения. Ввоз в Индию русского керосина сильно сократился⁵⁵, зато увеличился ввоз русской мануфактуры и фарфора, пользовавшихся большим спросом у индийского населения. По сведениям управляющего генеральным консульством в Бомбее Чиркина от 7 августа 1907 г., «русская бумажная мануфактура уже несколько лет известна на кветтском рынке, куда она попала через Сеистан. Особенно пришлась по вкусу жителям английского Белуджистана материя, известная там под именем «махут-шикан» — молескина»⁵⁶.

В силу противодействия Англии, слабого знакомства купцов обеих стран с условиями местных рынков, трудности денежных операций

⁵⁰ Там же, л. 135.

⁵¹ Там же, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 64, л. 456.

⁵² Там же, 1905 г., д. 76, л. 920.

⁵³ В. И. Ленин. Тетради по империализму. М. 1939, стр. 621.

⁵⁴ Н. Коломийцев. Чай, мировая торговля чаем и вопрос о казенной чайной монополии в России. М. 1916, стр. 35.

⁵⁵ См. «The Civil and Military Gazette», 15 мая 1907 года.

⁵⁶ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 942, л. 46.

и т. д. русско-индийские торговые связи не отличались в начале XX в. значительным развитием, о чем свидетельствуют приводимые таблицы:

Русский вывоз в Индию ⁵⁷ (в тыс. руб.)		Русский ввоз из Индии ⁵⁸ (в тыс. руб.)	
Г о д ы	Стоимость вывоза	Г о д ы	Стоимость ввоза
1910/11	1 655	1903	9 615
1911/12	720	1910	21 937
1912/13	3 250	1911	28 789
1913/14	345	1912	29 847
		1913	34 500

Из этих таблиц видно, что русский вывоз из Индии значительно превышал ввоз туда русских товаров, в связи с чем баланс по торговле с Индией был для России пассивным. Вместе с тем нельзя не отметить общую тенденцию к росту русского импорта из Индии, вызванную стремлением торгово-промышленных кругов двух стран к развитию торговли между ними. Как сообщал Чиркин 16 февраля 1909 г., интерес к расширению торговли с Россией проявляли в Индии не английские фирмы, а почти исключительно коммерсанты и комиссионеры из местного населения, являющиеся представителями небольших фирм⁵⁹.

В годы первой мировой войны (1914—1918) индийской внешней торговле был нанесен существенный ущерб, поскольку она лишилась одного из главных покупателей колониальных товаров в лице Германии. Кроме того, военные действия на море между английским и германским флотами в сильной степени затрудняли доставку индийских товаров в европейские страны. Отсюда возросшая заинтересованность торгово-промышленных кругов Индии в расширении экономических связей с Россией через Владивосток, рост индийского экспорта, главным образом чая, в Россию. Если в 1913/14 финансовом году, по английским данным, из Индии в Россию поступило товаров на 1 636 тыс. ф. стерлингов, то в 1915/16 г. эта цифра возросла до 3 623 тыс. ф. стерлингов⁶⁰.

В конце 1916 г. торговая палата Мадраса командировала в Россию специальную комиссию в составе Чэдвика и Блэка для изучения вопроса о возможностях развития русско-индийской торговли. Эта комиссия, проведя в России около трех месяцев, установила контакт со многими русскими фирмами, наметила некоторые практические шаги для дальнейшего расширения упомянутой торговли. В пространном отчете, который комиссия опубликовала после завершения своих работ, подчеркивалось, что «русско-индийская торговля имеет большие перспективы»⁶¹.

Со своей стороны русская буржуазия также проявляла интерес к расширению торговли с Индией, что видно, между прочим, по выступлениям печати. Так, например, газета «Туркестанские ведомости» писала 17 августа 1908 г.: «Развитие торговых отношений с Индией заставит нас познать ближе друг друга, а следовательно и заимствовать то, что может принести нашему государству вообще и Туркестанскому краю, в частности, несомненную пользу. Для примера укажем хотя бы на последнее новшество в Индии — это на применение в деле ирригации керосинового двигателя».

О серьезном значении для России торговли с Индией неоднократно писали и русские консульские представители в Бомбее и Калькутте в

⁵⁷ D. Chadwick, G. Black. Report on Indo-Russian Trade. Supplement to the Report. Simla. 1917, p. 10. Данные о стоимости русского вывоза даны за английский финансовый год.

⁵⁸ Там же, стр. 9.

⁵⁹ АВПР, ф. Следнеазиатский стол, д. 953, л. 13.

⁶⁰ Там же, д. 981, л. 125.

⁶¹ D. Chadwick, G. Black. Указ. соч., стр. 24.

1907—1913 годах⁶². В конце 1915 г. Калькутту посетил член Государственного совета Денисов «с целью познакомиться с характером индийской торговли и возможностью расширения русского экспорта в Индию»⁶³.

Свидетельством большого интереса к Индии служит также отношение русской буржуазии к давнему проекту сооружения железной дороги между Россией и Индией⁶⁴, для проведения в жизнь которого были созданы благоприятные предпосылки соглашением 1907 года. Не случайно, что вскоре влиятельная буржуазная газета «Новое время» высказалась за сооружение дороги между Россией и Индией через Персию.

Выступление «Нового времени» имело немалый международный резонанс, и прежде всего в Индии. Чиркин писал 21 января 1908 г., что проект соединения русских и индийских железных дорог «приковал к себе внимание здешней печати»⁶⁵. Русский проект в целом был положительно встречен и в правящих кругах стран Антанты.

В 1910 г. по инициативе двенадцати крупнейших русских банков (Спб. учетного и ссудного банка, Русского для внешней торговли банка, Волжско-Камского коммерческого банка и др.) был официально поднят вопрос о постройке трансперсидской железной дороги, имеющей своей целью установить «непрерывное железнодорожное сообщение между Западной Европой и Индией через Россию и помешать Багдадской ж. д. приобрести значение транзитного индоевропейского пути. Соответственно этому инициаторами было намечено... направление Астара — Тегеран — Иезд — Керман — Бам и далее к станции Нушки северо-западных индийских дорог»⁶⁶.

Главной целью дороги было оказание противодействия плану проведения Багдадской железной дороги, за которым скрывались экспансионистские устремления германского империализма на Среднем Востоке. Рассматриваемые планы железнодорожного строительства, как видим, являлись одним из этапов соперничества двух империалистических блоков в мировой политике: Антанты и Тройственного союза. Вместе с тем осуществление плана постройки дороги между Россией и Индией, несомненно, способствовало бы установлению более тесного дружественного общения русского и индийского народов.

Убедившись в положительном отношении к проекту английского и французского правительств, русская дипломатия сделала соответствующее официальное предложение в Лондоне, откуда оно поступило на рассмотрение англо-индийского правительства. Последнее, как сообщил 20 мая 1911 г. русский генконсул в Калькутте Арсеньев, «отнеслось к нему вполне сочувственно, о чем на прошлой неделе оно уведомило статс-секретаря по делам Индии»⁶⁷.

Одновременно происходили переговоры между монополистическими группами России, Англии и Франции. В результате было образовано акционерное Международное общество, цель которого состояла в «производстве изысканий и предварительных работ, необходимых для сооружения железной дороги, соединяющей русскую и индо-британскую железнодорожные ветви через Персию»⁶⁸. Учредителями и участниками общества были уже упомянутые русские банки, со стороны Франции — Парижско-

⁶² АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 947, лл. 45—46; д. 1019, л. 5; ф. Генконсульство в Калькутте, д. 165 и др.

⁶³ Там же, ф. Генконсульство в Калькутте, д. 84, л. 5.

⁶⁴ Вопрос о проекте этой дороги был рассмотрен М. Павловичем в его книге «Великие железнодорожные и морские пути будущего» (СПБ. 1913). В настоящей статье приводятся факты, дополняющие и уточняющие выводы автора книги.

⁶⁵ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 947, л. 3.

⁶⁶ Письмо председателя совета министров Кокорцева министру иностранных дел Сазонову от 11 марта 1913 года. Там же, ф. Министерство финансов, д. 99, л. 4.

⁶⁷ Там же, ф. Среднеазиатский стол, д. 962, л. 55.

⁶⁸ Там же, ф. Министерство финансов, д. 96, л. 35.

нидерландский банк, Лионский кредит и др., с английской стороны — Банк братьев Беринг и др.⁶⁹.

Английское правительство, заявляя о своем согласии на проведение трансперсидской железной дороги, в то же время не проявляло в этом деле особенного рвения. Рассмотрев проект договора о сооружении дороги, оно сопроводило его множеством оговорок. В памятной записке английского посольства в России от 2 апреля 1912 г. говорилось, что «правительство его величества сохраняет за собой полную свободу действий по таким вопросам, как направление железнодорожной линии, размер пассажирского и грузового тарифа, ширина колеи и указание того пункта, где она должна быть изменена, представительство Великобритании в Правлении железной дороги, порядок управления, часть заказов по постройке, которая должна быть предоставлена Англии, и т. п. Если по упомянутым вопросам не будет достигнуто соглашения, правительство его величества держится того мнения, что его не следует считать обязанным принять какое-нибудь специальное решение по какому-нибудь из подобных вопросов, или даже по вопросу о самом сооружении трансперсидской железной дороги, в силу одного того факта, что оно согласилось на выпуск обществом Société d'étude займа или на производство им предварительных исследований»⁷⁰.

Подобная позиция объяснялась тем, что некоторые влиятельные круги в Англии высказывались против проведения трансперсидской железной дороги. Наиболее видным представителем этих кругов являлся бывший вице-король Индии лорд Керзон.

Желая добиться от правительства Англии уточнения его позиции по вопросу о трансперсидской железной дороге, английская группа в Международном обществе для производства изысканий на этой дороге вступила в переписку с Форейн Оффис по данному вопросу. Из письма министра иностранных дел Великобритании Грея на имя представителя английской группы Гарстина от 4 февраля 1913 г. явствовало, что английское правительство соглашалось на проведение железной дороги лишь до Бендер-Аббаса через Исфаган и Бушир, оставляя открытым вопрос о соединении Бендер-Аббаса с Карачи⁷¹. Таким образом, английское правительство вполне ясно показало, что оно желает не трансперсидской железной дороги, а лишь дороги в Южную Персию, служащей для окончательного экономического закабаления последней.

Подобная позиция была подтверждена Англией и в ноте России от 6 февраля 1913 года. В ответной памятной записке МИД России английскому послу в Петербурге от 1 мая 1913 г. подчеркивалось, что новые предложения Великобритании «совершенно изменяют первоначальную идею предприятия и наводят сомнение относительно самой возможности его осуществления как с финансовой точки зрения, так и с точки зрения русских интересов в Персии»⁷². Соглашаясь временно не настаивать на соединении трансперсидской железной дороги с индийской железнодорожной сетью, Россия возражала против избрания Бендер-Аббаса в качестве конечного пункта дороги. В ходе дальнейшей переписки русское правительство, согласившись на проведение железной дороги до Бендер-Аббаса, предложило компромиссный план, сводившийся к тому, что обе стороны попросят у иранского правительства концессию на сооружение железной дороги, «пересекающей Персию с северо-запада на юго-восток» с тем, чтобы подробности проекта были установлены впоследствии по соглашению между двумя правительствами и финансовыми группами⁷³.

⁶⁹ Там же, лл. 12—15.

⁷⁰ Там же, л. 104.

⁷¹ Там же, д. 99, л. 254.

⁷² Там же, л. 29.

⁷³ Там же, л. 95.

Англия согласилась на этот вариант, но в то же время не приняла необходимых мер для его осуществления.

12 мая 1914 г. на заседании палаты лордов Лэмингтон задал вопрос, происходят ли переговоры относительно трансперсидской железной дороги. На это представитель Форейн Оффис Крю ответил: «Нельзя сказать, чтобы этот вопрос подвинулся значительно вперед с 1 июля 1912 г., когда он в последний раз обсуждался»⁷⁴.

Накануне первой мировой войны у иранского правительства была получена концессия на трансперсидскую железную дорогу и проведены подготовительные мероприятия к началу постройки. Продолжались также и русско-английские переговоры о направлении дороги⁷⁵. Однако начавшаяся империалистическая война прервала подготовительные мероприятия по сооружению дороги.

Как было показано выше, позиция царизма в отношении Индии на протяжении более столетия отличалась известным постоянством. Эту позицию характеризовали два момента. Россия не стремилась продвигаться в сторону Индии, а желала лишь завязать с ней обоюдно выгодные экономические связи. В первой половине XIX в. русское правительство пыталось установить непосредственные отношения с теми частями Индии, которые еще не находились под властью Англии (Кашмир, Пенджаб). После завоевания англичанами Индии Россия поддерживала связи с этой страной через посредство английских властей.

Подобная линия самодержавия в отношении Индии объяснялась совокупностью политических и экономических причин. После поражения царизма в Крымской войне его активность в международных вопросах, как известно, уменьшилась. Ослабление России происходило особенно быстро в период империализма, когда зависимость царизма от французского и английского капитала все более усиливалась. В подобной обстановке, да еще при отсутствии сильного союзника, Россия, естественно, не могла пойти на осложнение своих отношений с Англией.

Царизм не мог не учитывать и того обстоятельства, что война с Англией привела бы к резкому усилению национально-освободительной борьбы индийского народа, которая, очевидно, нашла бы широкие отклики в России, усилив там революционный кризис.

Царская Россия являлась преимущественно аграрной страной, ввозившей извне многие промышленные товары. Обладая богатейшими природными ресурсами, огромной территорией, емкими внутренним и внешним рынками, русская буржуазия и помещики не имели в тот период каких-либо политических и экономических стимулов для проведения агрессивной политики на своих южных границах, тем более, что существовала достаточная почва для развития торговых связей с Индией.

⁷⁴ Там же, л. 113.

⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 510, л. 21.